

Вышивальная мастерская занимала двор, состоящий из двух частей. Во внешнем дворе жили управляющий Цао, кухарка, сторож-старик и несколько охранников.

Во внутреннем дворе располагались два флигеля: восточный и западный. Восточный флигель служил столовой, а в западном жили вышивальщицы, подписавшие контракт с мастерской. В главном доме, обращенном на юг, находился приемный зал и спальня Вань-нян. В северо-восточном и северо-западном углах были две небольшие комнаты: одна — место для вышивания, другая — кабинет Вань-нян.

Фан Янь и Му Юй, следуя за слугой, вошли в приемный зал главного дома. Хотя уже наступила зима, в комнате было тепло.

На главном месте сидела женщина лет тридцати, с аккуратно уложенными волосами, украшенными золотой заколкой. В правой руке она держала чашку чая, в левой — крышку, и, склонив голову, пила чай. Ее изящные брови слегка изгибались. На ней было желтое платье с широкими рукавами и темно-синяя юбка.

На нижнем месте сидел мужчина, похожий на управляющего.

Му Юй, войдя, позвал:

— Вань-нян, управляющий Цао.

Затем он потянул за рукав Фан Яня, и тот последовал его примеру.

Вань-нян поставила чашку и, обратившись к управляющему Цао, сказала:

— Продолжайте как обычно.

Затем она взглянула на Фан Яня и Му Юя, но больше ничего не сказала.

Управляющий Цао посмотрел на Фан Яня и спросил:

— Ты сын Юнь-нян?

Фан Янь кивнул, но, почувствовав, что это было невежливо, добавил:

— Юнь-нян — моя мать. Меня зовут Фан Янь.

— Хорошо, — кивнул управляющий Цао. — Принес ли ты вышивку?

Фан Янь поспешно сделал два шага вперед, достал из-за пазухи платок и передал его. Платок был из хлопка, на нем был вышит узор «Радость на кончиках бровей».

Управляющий Цао осмотрел вышивку, внимательно изучил стежки и кивнул:

— Вышивка неплохая.

Он вернул платок Фан Яню.

— Покажи мне свои руки, — добавил он.

Фан Янь протянул руки ладонями вверх. Управляющий Цао взглянул на них и слегка нахмурился:

— Ты будешь, как и Му Юй, брать работу домой.

Оказывается, в мастерской было два типа вышивальщиц: одни подписывали контракт с мастерской, жили и питались здесь, обладали высоким мастерством, и их работы чаще всего отправлялись на продажу в губернский город. Их оплата была фиксированной и немаленькой, иногда они получали премии.

Другие, как Му Юй, брали работу домой, выполняли ее в срок, и такие работы обычно продавались на местном рынке. Оплата за них была, естественно, меньше.

Управляющий Цао, увидев глубокие и беспорядочные линии на ладонях Фан Яня, понял, что он привык к домашней работе и не подходит для контракта.

Близился конец года, и мастерской нужно было выпустить новые работы для продажи. Фан Янь последовал за Му Юем, чтобы получить задание.

Работу назначала мастерская, предоставляя необходимую ткань и нитки, но вначале требовалось внести залог.

Поскольку мать Фан Яня раньше работала здесь, и Му Юй поручился за него, Фан Янь получил ткань. Иглы, нитки и пяльцы у него уже были.

Выйдя из мастерской, Фан Янь вздохнул с облегчением. Теперь он официально стал вышивальщиком!

Му Юй, увидев выражение лица Фан Яня, спросил:

— Гэр Янь, после обеда я приду к тебе домой, чтобы вместе работать, хорошо?

Фан Янь поспешно кивнул:

— Конечно, это было бы замечательно. Я давно не занимался вышивкой, и мне есть что у тебя спросить. Только не сердись, если я буду надоедать.

Услышав это, Му Юй нахмурился, помахал рукой и с напусковой серьезностью сказал:

— Если что-то будет непонятно, спрашивай!

После этого оба рассмеялись.

После обеда Фан Янь сначала потренировался на домашней хлопковой ткани, отрабатывая различные стежки, и, почувствовав уверенность, начал вышивать на полученной ткани.

Они иногда разговаривали, но чаще занимались своими делами. Дружба проявлялась именно так: молчаливое общение, не вызывающее неловкости.

После целого дня и следующего утра вышивка уже начала приобретать форму.

После обеда Фан Янь взял корзину, в которой лежало деревянное ведро с водой, и, держа в руке топор, снова отправился в горы.

Старик предупреждал Фан Яня не подниматься слишком высоко, так как в молодости он видел несколько ловушек, поставленных охотниками, и они были очень опасны.

Фан Янь оставил вещи в том месте, где старик раньше делал уголь, и, следуя его советам, срубил нужные дрова. Он поставил метровое бревно в землю, затем сложил вокруг него ветки и дрова, создав кучу.

Сверху он набросал листья, сделав подобие холмика, затем смешал старую золу с водой, чтобы получилась глина, и покрыл ею листья.

В верхней части кучи он оставил отверстие для разжигания огня, а в нижней сделал несколько маленьких отверстий, чтобы следить за пламенем.

Закончив, Фан Янь бросил в отверстие сухую траву и ветки и поджег их.

Не то из-за неопытности Фан Яня, не то из-за влажности веток и травы, как только он поджег огонь, поднялся черный дым, заставивший его закашляться и почернеть лицо от копоти.

Горение травы и веток заняло много времени, и Фан Янь мог только сидеть и ждать, наблюдая за пламенем через нижние отверстия. Когда огонь стал виден, он замазал все отверстия глиной.

Прошло еще больше часа, и, заметив, что день близится к концу, он решил разрыть кучу и достать уголь.

Зимой дни короткие, а ночи длинные, и в лесу, где деревья загораживали свет, уже в четвертом часу стало темнеть.

Разрыхлив землю и немного подождав, Фан Янь начал собирать уголь. Возможно, из-за того, что это был его первый опыт, успешной оказалась лишь треть угля, но даже это обрадовало его.

Протерев лицо от сажи, он начал складывать уголь в корзину. Закончив, он встал, потянулся и вдруг услышал крик:

— Призрак!

Услышав крик, Фан Янь поднял голову и увидел, как что-то катится вниз по склону.

Это «что-то» в процессе качения умудрялось прикрывать голову руками и, докатившись до ровного места, где стоял Фан Янь, вдруг схватилось за дерево. Оно взглянуло на Фан Яня и крикнуло:

— Призрак!

Затем оно ударилось головой о ствол и упало без движения.

Фан Янь посмотрел на это существо и подумал: «Говорит, значит, человек. Но откуда взялся призрак среди бела дня? Может, это сумасшедший?»

Неизвестно, жив он или мертв, но если жив, то, пролежав здесь всю ночь, он может замерзнуть.

Фан Янь поднял топор и медленно подошел к человеку.

Подойдя ближе, он разглядел мужественные черты лица и покрасневший лоб. Проверив дыхание, он понял, что человек жив, просто потерял сознание.

Рядом с ним лежали лук и несколько стрел, что указывало на то, что он, вероятно, охотник.

Фан Янь попытался похлопать его по щекам, но тот не просыпался. Он забеспокоился: скоро наступит ночь, у него есть полкорзины угля, ведро, и теперь еще этот человек. Как он спустится с горы?

Взглянув на человека, Фан Янь смирился. Видимо, судьба распорядилась, чтобы он спас его.

Фан Янь спрятал корзину, ведро и лук в укромном месте, засунул топор за пояс и попытался поднять лежащего человека. С первой попытки не получилось.

Он посадил человека, прислонив его к дереву, затем присел, поднял его руку и закинул себе на спину. Глубоко вдохнув, он с трудом поднялся, ноги человека волочились по земле.

Обычно спуск с горы занимал у Фан Яня меньше получаса, но в этот раз он шел почти час.

Когда он вернулся домой, уже совсем стемнело.

Услышав шум, Фан Второй спросил:

— Это ты, Гэр Янь?

— Да, я! — ответил Фан Янь.

Услышав голос сына, Фан Второй успокоился:

— Почему так поздно? Ты один ушел, я чуть не умер от страха.

Зная, что он виноват, Фан Янь ответил:

— Все в порядке, папа. Ты, наверное, голоден? Я сейчас приготовлю ужин, подожди немного.

Фан Янь бросил человека на кровать в своей комнате, зажег сосновую лучину и убрал топор.

Пока он умывался, Фан Второй, опираясь на палку, подошел к нему.

— Папа, зачем ты встал? Нога еще не зажила, доктор Лю сказал, что нельзя ходить! — Фан Янь поспешил помочь отцу сесть.

Фан Второй, увидев, что с сыном все в порядке, вздохнул с облегчением:

— Ты ушел после обеда и вернулся только сейчас. Я волновался.

— Я же вернулся. Я уже взрослый, не о чем беспокоиться, — сказал Фан Янь.

— Сколько бы ты ни вырос, ты всегда будешь моим сыном, и я всегда буду беспокоиться.

Услышав это, Фан Янь был тронут:

— Папа, в следующий раз я обязательно скажу тебе, куда иду!